

УДК 1:001

НЕЭПИФЕНОМЕНАЛЬНОСТЬ ЯВЛЕНИЙ СОЗНАНИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. В. КУЗНЕЦОВ¹⁾
А. В. КУЗНЕЦОВА²⁾

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail:
kuznetsov_a@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: ludvig_14@mail.ru

В статье рассматривается возможность экстраполяции «зарегистрированной» в продуктах деятельности человека части коллективного знания как достояния лингвокультурной общности в различных научных парадигмах. Такая возможность обусловлена связыванием различных по природе и происхождению фрагментов знания на основе присоединения дополнительных принципов, выполняющих организующую функцию, и их последующего декодирования.

Ключевые слова: неэпифеноменальность, принцип, закон, постулат, философия и методология научного знания.

Наиболее общие глубокие связи между областями явлений определяют фундаментальные принципы, поэтому вопрос об их происхождении является существенным пунктом при анализе различных оснований научного знания. Несмотря на свой специальный характер, постановка этого вопроса всё же самым непосредственным образом связана с фундаментальными философскими проблемами, возникшими ещё в отдалённом прошлом. Во многих своих чертах рассуждения о началах (принципах), хотя и «на новой основе»¹ затрагивают весьма ранние тенденции мышления, приближаясь к некоторым из древнейших проблем.

Поэтому выяснение природы принципа, прежде всего философского, как связанного воедино результата и средства получения научного знания, является важнейшим предварительным условием понимания места деятельностных детерминант в генерировании научного знания при осуществлении методологической функции научной деятельности. Нет ни одного познавательного акта, который так или иначе не опирался бы на тот или иной принцип: «собрание разрозненных знаний не может образовать науку, наука есть только там, где налицо объединяющая знания идея»². Наука, по Канту, как раз и представляет собой систему познания, упорядоченную сообразно принципам³. Такое требование представить научное знание в обобщённой форме тесно связано с самой сущностью рационалистически ориентированной науки, стремящейся объяснить многообразие явлений из минимального количества принципов и абстракций. Действительно, с осознанием и формулировкой первых принципов, например, таких как принцип структурности и принцип историзма, и связывали становление, в частности, физики как науки.

Следовательно, формирование фундаментальной теории, определяющей специальную научную картину мира, по существу происходит лишь после того, как найден принцип[ы], составляющий[ие] её основу, то есть принцип вводится в неё как аксиома, постулат, без особого логического доказательства. Например, теория может выражать научно-исследовательскую программу, а «принципы конкретных научно-исследовательских... программ характеризуют не сам феномен научно-исследовательских программ в познании, а являются выражением некоторого уровня осознания... [исследователем] целей, задач и необходимых познавательных средств их решения на том или ином этапе развития познания, в рамках какого-либо направления научных исследований»⁴.

¹ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / Пер. с нем. – М.: Наука, 1989. – С. 159.

² Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Отв. ред. и авт. вступ. ст. с. 5–74 М. М. Розенталя – М.: Наука, 1972. – Т.3 [Учение о понятии]. – С. 35.

³ Кант И. Сочинения. В 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т.6. – С. 56.

⁴ См.: Методологическое сознание в современной науке / П. Ф. Йолон, С. Б. Крымский, Б. А. Парохонский и др.; Отв. ред. П. Ф. Йолон; АН УССР. Ин-т философии. – Киев: Наук. думка, 1989. – С. 181.

Однако многие философы полагают, что, например, физика не может в качестве физики делать высказывания о физике, – все высказывания о физике звучат как физика. Вместе с тем, здесь необходимо учитывать и то обстоятельство, отмеченное М. Хайдеггером, которое предполагает неустранимое влияние на научно-исследовательскую деятельность учёного различных вкладов, хотя и в снятом виде, лингвокультурной общности: «Хотя науки своими средствами не могут проникнуть в существо науки, все-таки каждый исследователь, как мыслящее существо способен двигаться на разных уровнях осмысления и поддерживать его»⁵. Иными словами, научное осмысление в любой научной коммуникации предполагает прежде всего коммуникативную стратегию за счёт своей амбивалентности как основного свойства психического отражения. В соприкосновении с предметной действительностью научная деятельность видоизменяется и становится богаче, истиннее, чем предваряющее её сознание. При этом для сознания исследователя вклады, которые вносятся его деятельностью, остаются скрытыми; отсюда и происходит, что сознание может казаться основой деятельности, то есть отражением продуктов предметной деятельности, реализующей связи, отношения общественных индивидов, которые выступают для них как явления их сознания. Однако в действительности за этими явлениями лежат объективные связи и отношения, хотя и в неявной, снятой, скрытой от индивида форме. Вместе с тем, явления сознания составляют реальный момент в движении деятельности. В этом и заключается их «неэпифеноменальность», их существенность. То есть сознательный образ выступает в функции идеальной меры, которая овеществляется в деятельности исследователя. Таким образом, неполнота языка науки позволяет расширять научные теории посредством экстраполяции коллективного знания (КЗ₂) (КЗ₂ – «зарегистрированная» в продуктах деятельности человека часть коллективного знания/переживания как достояния лингвокультурной общности)⁶ из одной научной парадигмы в другую, давая возможность присоединять дополнительные принципы. Следовательно, принципы часто связывают различные по природе и происхождению фрагменты знания, выполняя при этом организующую функцию. Процесс декодирования или понимания принципов есть всегда путь расшифровки общего смысла, который стоит за воспринимаемым сообщением или, иначе говоря, сложный процесс выделения наиболее существенных элементов высказывания, превращения развёрнутой системы сообщения в лежащую за ним мысль⁷. Таким образом, все наши знания о мире, включая и самые общие идеи, оформленные в виде принципов, возникают в ходе отражения этого мира. Но сами принципы не являются априорными, ибо не существует никакого «чёрного хода», с которого мы могли бы заглянуть в действительность «саму по себе» и подсмотреть, как там обстоит дело. Иными словами, все наши принципы – это приблизительно верное отражение действительности, а не сама действительность.

С учётом вышесказанного рождается дуалистическое понимание принципов, которые уже характеризуются как теоретико-понятийные образования, не являющиеся одновременно ни абсолютно исходными пунктами исследования, ни абсолютно заключительными его результатами. Действительно, принципы применяются не только при исследовании самой действительности, но и при анализе уже имеющегося знания, обеспечивая корректировку, упорядочение или синтез знания. В связи с последним отмечается, что понятие «принцип» во многих работах⁸ порой отождествляют с такими понятиями, как «закон», «закономерность», «постулат», «аксиома» и др. Так, выявляя специфику содержания данных терминов через характеристики многообразия функций научных за-

⁵ Хайдеггер М. *Время картины мира* // Новая технократическая волна на западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 93-118.

⁶ Залевская А. А. *Введение в психолингвистику: Учебник 2-е изд. испр. и доп.* – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – С. 23.

⁷ Лурия А. Р. *Лекции по общей психологии.* – СПб.: Питер, 2007. – С. 288.

⁸ См.: Аронов Р. А., Шемякин В. М. *Логико-гносеологические патологии и амбивалентность физического познания* // *Вопросы философии.* – М., 2002. – №1. – С. 90-102; *Вариационные принципы механики: Сб. ст. / Под ред. Л.С.Полака.* – М.: Гос изд-во физ.-мат. лит., 1959. – 932 с.; Вигнер Е. *Этюды о симметрии / Пер. с англ. Ю. А. Данилова; Под редакцией Я. А. Смородинского* – М.: Мир, 1971. – 319 с.

конов, П. В. Копнин пишет: «Прежде всего, они выступают в качестве принципов истинного знания, содержащегося в данной науке. Таким образом, понятия «закон» и «принцип» в науке одностепенны и трудноразличимы. Закон становится принципом, когда он выполняет логическую функцию в систематизации знания, служит исходным положением в построении теории, в достижении нового знания»⁹. Но в целом всё же «принципы как особые формы теоретических знаний не тождественны как законам и категориям, так и идеям, основаниям, установкам, хотя и связаны с ними»¹⁰. Чтобы всё-таки определить меру нетождественности принципа и закона необходимо подчеркнуть, что всякий закон представляет собой устойчивый порядок связи между явлениями. Объективные законы – это устойчивые функциональные отношения, которые выражают взаимозависимость между материальными объектами в системах и их свойствами. Законы природы, в отличие от юридических законов, существуют независимо от человека, они могут быть открыты человеком, но человек не может их изменить или нарушить. В силу этого физические законы лишь приближённо отражают объективные законы и уточняются по мере развития науки, с ростом знания. В этом отношении принцип представляет собой переформулировку закона в нормативном духе: он предписывает, в соответствии с законом, как надо понимать явления природы, объяснять факты.

Философские (всеобщие) принципы допустимо условно делить на *онтологические* и *гносеологические* (эпистемологические) принципы. Онтологические номологические высказывания используют онтологические принципы, к которым относят принципы, выражающие атрибуты материи: принцип всеобщей связи, развития, детерминизма и др. Конструктивные допущения используют, по большей части, гносеологические принципы, которые представляют собой переформулировку законов познания. В результате этого гносеологические принципы рассматриваются как методологические требования в научных исследованиях: принципы относительности знаний, единства теории и практики, конкретности истины, преемственности объективности истины, всесторонности рассмотрения явлений, принцип логического и исторического в познании, теории и эксперимента и др. Применение этих принципов в нормативном духе позволяют исследователю определять взаимоотношения между методами познания: индуктивным и дедуктивным, аксиоматическим, аналогией, моделированием, системно-структурным и т.д. Вместе с тем, понимая, что законы существуют в объективном мире и познании, мы не допускаем мысли о том, что принципам как элементам теоретического знания либо нормативным установкам исследования придаётся сходный онтологический статус.

Поэтому, хотя принципы нельзя сводить к началам, аксиомам, постулатам, все же признаётся, что элементы начал в принципах проявляются как понимание устойчивого знания, утвердившегося на данном этапе развития науки в качестве научной истины и выступающего как основание познавательной деятельности. Знание, заключенное в принципе, остаётся невостребованным («мёртвым»), пока не будет включено в реальный поиск познания. Можно даже говорить о том, что любой элемент научного познания оказывается принципом (философским или естественнонаучным), если он выступает в качестве основания, исходного положения для теории, различных видов познавательной либо практической деятельности. Именно из принципов теории во многом дедуктивно выводятся её другие положения: законы, следствия и т.д. Вне этого говорить о каком-либо элементе знания как о принципе неправомерно.

Следуя вышесказанному, принципы, рассматриваемые в качестве исходных положений теории, всё же не могут быть выведены, логически получены внутри неё, а требуют выходящего за данную теорию метатеоретического обоснования. Более того, это имеет отношение и к теоретическим законам конкретных наук, которые доказываются лишь опосредованно, путем проверки в эксперименте следствий из них. Ещё более опосредованной является связь философского знания с практикой. Такая связь осуществляется

⁹ Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974. – С. 502.

¹⁰ Князев В. Н. Концепции взаимодействия в современной физике. М, 1991. – С. 8.

ется посредством «философского метода познания», в котором «используются операции мышления, состоящие из умозрительных обобщений, исходящих от непосредственно наблюдаемых фактов, а также из опирающихся на эти обобщения логических суждений»¹¹.

Именно поэтому для сознания исследователя умозрительные принципы как абстрактные структуры с первого взгляда напоминают кантовские синтетические суждения *a priori*. Они не «выводятся из опыта», а являются результатом синтетической деятельности творческого воображения, причем последнее создаёт такие комбинации опытных данных, которые нередко находятся в резком противоречии с известными эмпирическими и теоретическими законами. Однако это совсем не означает абсолютной оторванности от действительности, игнорирования генезиса, истории возникновения этих абстрактных структур, «забвения того непреложного факта, что более простые, фундаментальные структуры имеют реальное, «земное» происхождение»¹², предполагающее известные комбинации опытных данных конструктивным путём. К тому же, если эти абстрактные формализованные структуры трактовать как чисто априорные конструкции, то непонятно, по каким причинам они согласуются с действительностью, тем более что, структура (форма) выявляется в чистом виде на основе анализа содержания. Отрицание необходимости такого содержания вытекает из того факта, что исследователь может строить прямо противоположные принципы. Вместе с тем, как отмечает В. Т. Мануйлов, априорность принципов, например, евклидовой геометрии означает у Канта только то, что они не могут быть обоснованы эмпирически; поэтому «открытие неевклидовых геометрий («воображаемых», как и евклидова) не опровергает кантовскую философию математики»¹³.

Последнее обстоятельство, в свою очередь, придаёт принципам уже некоторое сходство с «конвенциями» известного французского математика Анри Пуанкаре. Как известно, А. Пуанкаре предполагал, что принципы являются скрытыми определениями тех понятий, которые в них входят, подобно тому как правила шахматной игры суть скрытые определения шахматных фигур¹⁴. Поэтому он уподобил принципы правилам игры, которые не могут быть истинными или ложными, а только удобными или неудобными (подобно используемым системам координат). Чем более размышления уклоняются от общепринятых представлений, тем яснее они «показывают нам, на что способен человеческий ум, когда он постепенно освобождается от тирании внешнего мира, тем лучше мы познаём ум в его внутренней сущности»¹⁵. Такому пониманию, в известной степени, способствовали открытия новых неевклидовых геометрий¹⁶ (Н. И. Лобачевский, Б. Риман, Ф. Клейн и др.), в которых аксиомы уже приобрели некоторую независимость от способности учёных отражать действительность. «...Геометрические аксиомы не являются ни синтетическими априорными суждениями, ни опытными фактами... Мы руководствуемся опытными фактами, но самый выбор остается свободным...»¹⁷. Конечно, ограничение, накладываемое на такой выбор, с необходимостью должно представлять собой требование логической непротиворечивости, позволяющей всё же интерпретировать воспринимаемый нами мир через пространство различных геометрий.

Однако требование логической непротиворечивости опосредовано необходимостью отображения действительности, так как опирается на представление о соответствии

¹¹ Мостепаненко М. В. Философия и физическая теория. Физическая картина мира и проблема происхождения и развития физической теории. – Л.: Наука; Ленингр. отд.-е, 1969. – С. 79.

¹² Философские проблемы естествознания / С. Т. Мелюхин, Ю. А. Петров, Г. И. Рузавин и др.; Под ред. С. Т. Мелюхина. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 108.

¹³ Мануйлов В. Т. Конструктивность обоснования математического знания в философии математики И. Канта // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сборник статей: Выпуск первый. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2001. – С. 40.

¹⁴ Пуанкаре А. Наука и гипотеза / Пер. с франц. А. Г. Батинского, Н. М. Соловьева и Р. М. Соловьева. – М: Типография Мамонтова, 1904. – С. 58–61.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Риман Б. Сочинения / Пер. с нем. – М.–Л.: Гостехиздат, 1948.

¹⁷ Пуанкаре А. Наука и гипотеза / Пер. с франц. А. Г. Батинского, Н. М. Соловьева и Р. М. Соловьева. – М: Типография Мамонтова, 1904. – С. 60.

абстрактных структур действительности, конгруэнтности картины мира мышлению. Стало быть, мы должны руководствоваться здесь уже не требованиями удобства, а стремлением соответствия теорий действительности. А в последнем вопросе решение даётся только практикой. Ещё в 1565 г. в книге Телезио «О природе вещей, выведенной из её собственных принципов» отмечается такая постановка проблемы, что принципы природы – это логические выводы, идущие от эмпирии и приводящие к пространственно-временной концепции бытия. Это стремление реализовывалось в научных пространственно-временных схемах, например гелиоцентрической системе Коперника. Иными словами, в деятельности субъекта познания налицо активное, конструктивное начало. С одной стороны, субъект может порождать любые конфигурации по собственному желанию, с другой стороны, та среда, в которой он разворачивает конструктивную активность, по известным причинам не позволяет конструированию быть совершенно произвольным, то есть накладывает свои ограничения. Актуализировать в ней можно лишь то, что допускается её собственными потенциями, «среда обладает «косностью», она сопротивляется руке творца... деятельность (субъекта познания) как раз и направлена на выявление этих потенций, а не на наслаждение собственным произволом»¹⁸. «Наслаждение» определяется эстетической стороной научной деятельности – прорывом непосредственных сенсуальных впечатлений в ткань логических дедукций, выражая синтез внутренне-совершенства и внешнего обоснования.

Итак, принимая во внимание, что исходные принципы как положения логически не выводимы внутри теории, а требуют обоснования, выходящего за её рамки, то такая теория остаётся «открытой»: не все истинные утверждения являются доказуемыми в данной теории и могут быть логически выведены в её рамках. «Принцип, таким образом, имеет характер постулата, исходного положения теории, принимается без доказательства, что полностью соответствует этимологии этого слова: лат. *princeps* = *primus, is* – первый, начальный + *capio* – брать, буквально взятое первым, предвзятое, начало, основа; в философии то же, что и основание, то есть то, что лежит в основе некоторой совокупности фактов или знаний»¹⁹.

Не только практическая, но и логическая невыводимость принципов позволила интуиционисту А. Гейтингу представлять механизм конструирования принципов посредством сверхлогической способности нашего сознания – интуиции, своего рода интроспективной творческой деятельности мыслящего субъекта²⁰. Известно, что особую роль интуиции и воображения в конструировании абстрактных объектов отмечали многие мыслители, особенно выделяют среди них неоплатоника Прокла (V век н.э.) и родоначальника немецкого классического идеализма И. Канта²¹. А. Бергсон в частности, определял интуицию как своеобразную симпатию, «средством которой мы проникаем внутрь предмета»²², чтобы слиться с невыразимой в общих понятиях природой и постичь его в собственном существе. Поэтому интуитивно добываемое знание несёт на себе отпечаток экзистенциального опыта его автора. Однако нельзя не отметить, что при таком подходе в процессе логического вывода явно не перечисляются те логические аксиомы и правила, на которые опираются в ходе доказательства. Более существенным здесь, как нам представляется, является незаметное использование в качестве посылок утверждений, которые кажутся интуитивно ясными, но явно в теории не формулируются. Например, как это наблюдается у Евклида, который «при доказательстве теорем использует ряд посылок, относящихся к расположению точек на прямой, непрерывности и равенству фигур, которые, однако, не фигурируют в качестве аксиом геометрии»²³.

¹⁸ Шапошников В. А. Математическая мифология и пангеометризм // Стили в математике: социокультурная философия математики. – СПб., 1999. – С. 151.

¹⁹ Князев В. Н. Концепции взаимодействия в современной физике. М, 1991. – С. 9.

²⁰ См.: Гейтинг А. Интуиционизм. – М.: Мир, 1965. – 200 с.

²¹ Мороз В. В. Философско-математический синтез: опыт историко-методологической рефлексии. – М.: МГУ, 2005. – С. 39.

²² См.: Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собр. соч. : в 4 т. Т.1. – М., 1992.

²³ Философские проблемы естествознания / С. Т. Мелюхин, Ю. А. Петров, Г.И. Рузавин и др.; Под ред. С. Т. Мелюхина. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 70.

Представители конструктивного направления критиковали «интуитивную ясность» как критерий истинности, ибо «этот критерий означает полное тождество субъективизма и идет вразрез с пониманием науки как вида общественной деятельности»²⁴. Таким образом, мы подразумеваем, что свободное конструирование принципов не означает какого-либо чистого вымысла, а лишь только то, что «воспарая» к принципам, можно постигнуть более глубокие и существенные свойства действительности. Иными словами, принципы конструируются таким образом, чтобы теория, построенная на основе этих принципов, могла получить согласование с опытом, то есть всё вышеизложенное следует «основному принципу теории познания: объективная картина мира не должна содержать ничего такого, что в принципе не могло бы быть проверено на опыте». Именно так этот принцип сформулирован²⁵ одним из выдающихся учёных и мыслителей XX века Германом Вейлем (1885–1955), известным своими работами в области анализа, теории чисел, дифференциальной геометрии, оснований математики и логики, теории относительности и квантовой механики.

Список литературы

1. Аронов Р. А., Шемякин В. М. Логико-гносеологические патологии и амбивалентность физического познания // Вопросы философии. – М., 2002. – №1. – С. 90–102.
2. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собр. соч. : в 4 т. Т.1. – М., 1992.
3. Вариационные принципы механики: Сб. ст. / Под ред. Л.С.Полака. – М.: Гос изд-во физ.-мат. лит., 1959. – 932 с.
4. Вейль Г. Математическое мышление. – М.: Наука, 1989. – 400 с.
5. Вигнер Е. Этюды о симметрии / Пер. с англ. Ю. А. Данилова; Под редакцией Я. А. Смородинского – М.: Мир, 1971. – 319 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Отв. ред. и авт. вступ. ст. с. 5–74 М. М. Розенталь – М.: Наука, 1972. – Т.3 [Учение о понятии]. – 374 с.
7. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / Пер. с нем. – М.: Наука, 1989. – 399 с.
8. Гейтинг А. Интуиционизм. – М.: Мир, 1965. – 200 с.
9. Залевская А. А. Введение в психолингвистику: Учебник 2-е изд. испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
10. Кант И. Сочинения. В 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т.6. – 591 с.
11. Князев В. Н. Концепции взаимодействия в современной физике. М, 1991. – 127 с.
12. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974. – 568 с.
13. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. – СПб.: Питер, 2007. – 320 с.
14. Мануйлов В. Т. Конструктивность обоснования математического знания в философии математики И. Канта // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сборник статей: Выпуск первый. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед.ун-та, 2001. – С. 29–62.
15. Марков А. А. О конструктивной математике // Труды матем. ин-та им. Стеклова. – М., 1981. – Т. 67.
16. Методологическое сознание в современной науке / П.Ф. Йолон, С.Б. Крымский, Б.А. Парахонский и др.; Отв. ред. П. Ф. Йолон; АН УССР. Ин-т философии. – Киев: Наук. думка, 1989. – 336 с.
17. Мороз В. В. Философско-математический синтез: опыт историко-методологической рефлексии. – М.: МГУ, 2005. – 308 с.
18. Мостепаненко М. В. Философия и физическая теория. Физическая картина мира и проблема происхождения и развития физической теории. – Л.: Наука; Ленингр. отд.-е, 1969. – 239 с.
19. Пуанкаре А. Наука и гипотеза / Пер. с франц. А. Г. Батинского, Н. М. Соловьева и Р.М. Соловьева. – М: Типография Мамонтова, 1904. – 252 с.
20. Риман Б. Сочинения / Пер. с нем. – М.–Л.: Гостехиздат, 1948.
21. Философские проблемы естествознания / С. Т. Мелюхин, Ю. А. Петров, Г.И.Рузавин и др.; Под ред. С. Т. Мелюхина. – М.: Высш. шк., 1985. – 400 с.

²⁴ Марков А. А. О конструктивной математике // Труды матем. ин-та им. Стеклова. – М., 1981. – Т. 67. – С. 11.

²⁵ См.: Вейль Г. Математическое мышление. – М.: Наука, 1989. – 400 с.

22. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на западе. – М.: Прогресс, 1986. – С.93–118.

23. Шапошников В. А. Математическая мифология и пангеометризм // Стили в математике: социокультурная философия математики. – СПб., 1999.

NON-EPIPHENOMENALITY OF CONSCIOUSNESS PHENOMENA IN COMPREHENSION OF SCIENTIFIC ACTIVITY

A. V. KUZNETSOV¹⁾
A. V. KUZNETSOVA²⁾

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail:
kuznetsov_a@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: ludvig_14@mail.ru

The article discusses the possibility of extrapolation of a part of human activity registered in products as a result of lingvocultural community in different scientific paradigms. Such possibility is based upon the connection of naturally and genetically different fragments of knowledge, additional organization principles and their decoding.

Key words: non-epiphenomenality, principle, law, postulate, philosophy and methodology of scientific knowledge.